

И ОЧТИ поленовский московский дворик. Умытая дождем улочка. Ночь. Слабо мерцают фонари. Женщина бегом пересекает двор, прыгает в карету и уносится вдаль. Это — многострадальная героиня драмы А. Н. Островского «Последняя жертва» Юлия Тугина... А впрочем, это еще не совсем она — это я в гриме и костюме. Тугина только начинает жить во мне, мерцает, как фонари на старомосковской улице. Кажется, я много уже знаю о своей героине, но говорить о слиянии с образом рано: Островский слишком глубок, в него вживаешься постепенно, пласт за пластом.

Московская улица, на которой мы снимаем эпизод из будущего фильма «Последняя

родства. В самом деле, что общего между пламенным борцом и несчастной, обманутой вдовушкой из купеческой Москвы?! А все же есть... Есть безоглядность любви и веры, есть честное сердце, бескорыстие, бесребренничество... Право же, я отдала себе отчет в том, что в истории и в литературе никогда бы не поставила рядом эти два имени — персонаж Островского и женщину, олицетворяющую подвиг революции. Но я — актриса. У меня одно сердце. Это мне выпало на долю редкое счастье играть Комиссара в экранизации «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. И Юлию Тугину тоже буду играть я, тем же сердцем. И оно же зовет меня к Инессе Арманд. Масштабы несоизмеримы, а чувства близки,

вливанием ощущаешь, как меняешься почти физически. Мне теперь интересны характеры женщин, которые выявляют себя в момент опасности, в момент трудных жизненных испытаний, совершая поступки высокого нравственного порядка. Самое главное — наличие такого характера. Не квелиго, слабо очерченного, но осязаемого, живого. Когда читаешь глазами пьесу Вс. Вишневского, кажется, что роль Комиссара выписана слишком уж лаконично, что о героине мало сказано. Но вот вы дочитали до конца и чувствуете: характер объемный, видимый, слышимый.

Я — ленинградка, и мне по-счастливилось видеть на сцене Ленинградского академического театра имени А. С. Пушкина знаменитую «Оптимисти-

и Вячеславом Тихоновым — моими основными партнерами. Но прежде всего — заслуга Всеволода Вишневского, прекрасной его драматургии. И вот однажды произошло слияние с характером героини, то счастливое для актера ощущение правды жизни в образе, когда на партнеров смотришь, забывая, что перед тобой — загримированные и одетые в костюмы персонажей актеры. В сцене окружения Комиссара анархствующими матросами я вдруг почувствовала любовь и сострадание к этим людям, вдруг поняла, как моя героиня решила отдать все самое лучшее в себе, чтобы принести им свет большевистской революционной мысли. Мелькнули строки, прочитанные в рассказе Ларисы Рейснер, — о распахнутой настежь груди матроса, так что видно его душу... И стало легко стоять перед камерой, слышать, видеть, понимать и воздействовать. Такие мгновения остаются на всю жизнь, и в каждой роли мы к ним стремимся. Иногда — мучительно недостижимо и трудно...

Островский. Классика... Со всем другая женщина. И любовь у нее другая: она направлена к человеку, недостойному любви. Но я вижу в Тугиной героине прежде всего потому, что, подобно лучшим женщинам России, она не стремится что-то получить для себя от любви — она отдает все, что может отдать. Обидно, что так безжалостно ограблена ее душевные сокровища, но гордо за то, что они есть и что она приносит их в жертву любви от щедрости своей доброй к людям природы.

Мне интересно работать в картине «Последняя жертва». Не стану загадывать, что получится в итоге. Но режиссер Петр Тодоровский радует меня тонким знанием нюансов женской души, своей влюбленностью в высокие свойства женщины. Счастлива я и оттого, что кинокамера глядит на меня глазами талантливейшего кинооператора Леонида Калашникова — глазами чуткого человека и художника. Нас всех восхищало его мастерство и тончайшая живость в фильмах «Анна Каренина» и «Красная палатка». Очень важно, чтобы художественное произведение, проникнутое идеями добра и чуткости к человеку, создавалось в доброжелательной атмосфере.

Кажется, мне удалось найти единомышленников и в будущей работе над моноспектаклем об Инессе Арманд. Если так, то я — счастливая актриса.

Должно быть, какое-то умение подчинить себя главному делу пришло ко мне от матери Леокадии Николаевны. Воспитанная в приюте, прошедшая нелегкую дорогу в жизни от девочки-сироты до преподавателя рабфака, пережившая ленинградскую блокаду, никогда не мешавшая мне мечтать о будущем актрисы, мать и сегодня, когда ей уже семьдесят лет, остается человеком жизнелюбивым, веселым, энергичным. В ней, в маме моей, ощущаю я родник всего лучшего в себе.

Международный год женщины... Его недели и месяцы дают нам богатую пищу для творческих наблюдений и обобщений. Драматургия — не всегда. В моей театральной юности, на сцене Центрального театра Советской Армии, можно было лишь мечтать о такой пьесе, как «А зори здесь тихие»...

И случись мне сегодня узнать, что в репертуаре театра появилась пьеса о наших женщинах, близкая духом «Оптимистической трагедии», не задумываясь подала бы заявку на любую роль. Появись такой сценарий на киностудии, написала бы заявление: «Включите в актерский женский авиационный полк. Если не пилотом и не штурманом, то бортмехаником или вооруженцем»...

Маргарита ВОЛОДИНА, народная артистка РСФСР

ТВОИ, РОССИЯ, ЖЕНЩИНЫ

МАСТЕРА ИСКУССТВ О СЕБЕ

жертва», носит имя Александра Николаевича Островского. Никто специально «не подгонял» место съемок под этот волнующий символ. Просто так случилось, что на этой маленькой, дугой завернувшейся улице современной Москвы сохранилось старое Замоскворечье пьес Островского.

День трудный. Киногруппа работает много.

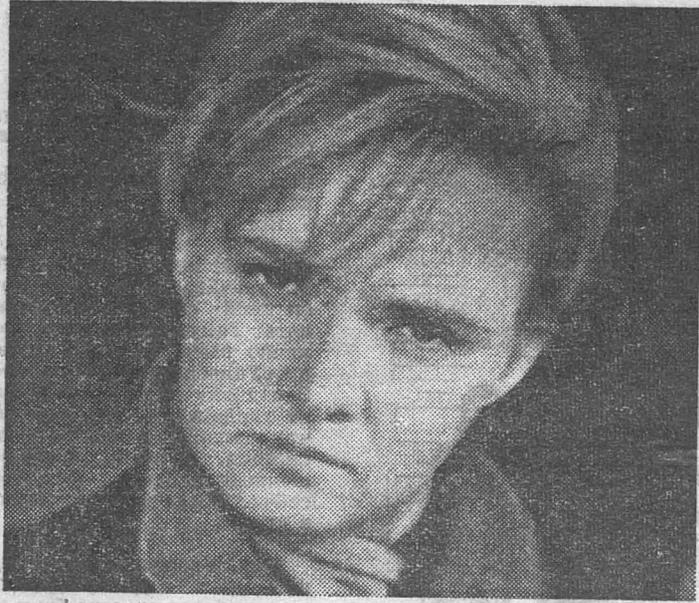
И все же, несмотря на усталость, хочется заглянуть в жизнь другой входящей в мою судьбу героини — Инессы Федоровны Арманд. Дома я читаю о ней. Арманд пока для меня только мечта. Может быть, удастся воплотить этот образ не на сцене и не на экране, а в жанре «театра одного актера». Но это — далеко впереди. Есть лишь разрозненные документы, письма пламенной революционерки к дочерям, к друзьям, ее переписка с Владимиром Ильичем Лениным и Надеждой Константиновной Крупской. Есть воспоминания близких и соратников о «товарище Инессе». И — могила у Кремлевской стены, где эта удивительная женщина покинута рядом с Джоном Ридом и московским рабочим-большевиком Иваном Русаковым.

«Конечно, кроме прекрасного французского нужно понимание сути дела и такт, — пишет Инессе Арманд Владимир Ильич, поручая ей возглавить битву большевиков с русскими ликвидаторами и Каугским на Брюссельском, якобы «объединительном» совещании социал-демократов II Интернационала в 1914 году. — Кроме тебя никого нет. Посему прошу, изо всех сил прошу согласиться хотя бы на день»...

Она согласится. Сумеет быть героически бескомпромиссной, защищая молодую партию большевиков. И Владимир Ильич напишет строки, полные признательности и восхищения ее мужеством: «Я тебе очень и очень благодарен за твою работу, столь неприятную и столь искусную»...

Поздний час. Я с усилием отрываюсь от прикосновения к живым строкам — свидетельствам дружбы вождя пролетарской революции и одной из самых самоотверженных ее дочерей.

И вновь ухожу в мысли о Юлии Тугиной, находя родство между этими двумя русскими женщинами — героиней Островского и Инессой Федоровной Арманд. Ловлю себя на мысли о невероятности такого

М. ВОЛОДИНА в роли Комиссара.

Готовность к подвигу живет во многих русских женщинах — мы узнали это в годы труднейших, почти нечеловеческих испытаний Великой Отечественной...

Я думаю, что в лучших актерских творениях такой актрисы, как Вера Петровна Марецкая, есть кровное, самое близкое родство: и в афиногеновской Машеньке, и в колхознице Александре Соколовой из фильма «Член правительства», и в героине Отечественной войны 1812 года Надежде Дуровой, и в партизанском вожаке из фильма «Она защищает Родину», и в сельской учительнице Варваре Васильевне...

После выхода на экраны «Оптимистической трагедии» я играла разные роли. В частности, в фильме «Черный бизнес» сыграла шпионку. Это вызвало активный, прямо-таки бурный протест зрителей. Меня упрекали в письмах, на творческих встречах: «Мы не говорим, хорошо или плохо это вам удалось, — мы в принципе против таких ролей в вашем репертуаре!»... В театральной школе меня упорно развивали как актрису характерную. Теперь с трудом представляю себя в таком амплуа. И даже не потому, что зрители запрещают. Сама работа над ролью, подобной Комиссару, само близкое знакомство с миром таких героинь, как прообраз Комиссара Лариса Рейснер, перевоспитывают, заставляют мыслить по-другому. Под их

ческую трагедию» в постановке Г. А. Товстоногова, с удивительной Ольгой Лебзак в роли Комиссара, с Вожаком — Юрием Толубеевым, Алексеем — Игорем Горбачевым, Сиплым — Александром Соколовым. Школьницей, я сидела в зрительном зале, словно замороженная. Тогда не посмела бы и думать, что придется самой играть Комиссара, но как хотелось быть похожей хоть немного, хоть в десятой доле на эту обаятельную, сильную, пронизывающую бескомпромиссной правдой женщину! У Товстоногова было так задумано в спектакле, что актеры должны пройти через зрительный зал. Я сотрясалась внутренне от их близости, от чувства сопричастности происходящему, когда они проходили мимо меня...

Пробуясь на роль Комиссара в фильме, я попыталась вспомнить, как же играла эту роль Ольга Яковлевна Лебзак. Не вспоминалось! Жил в моей памяти живой человек, словно увиденный в жизни, но с актрисой не было связано никаких конкретных воспоминаний. Как она играла? Какими средствами? Не помню и по сей день. Я не чувствовала себя свободной в роли даже после того, как отсняли примерно четверть киноматериала. Если мне что-то и удалось, то здесь целиком заслуга режиссера Самсона Самсонова и великодушного актерского ансамбля во главе с Борисом Андреевым, Всеволодом Санаевым